Алексей НИКОЛАЕВ

ДУХ

Философия духа[1]

(1-я редакция)

§4. ТЕОРЕМЫ ДУШИ

Основы психологии в психологических теоремах

Логическая теорема 47

ТЕОРЕМА ВОЛИ

Воля – это самосознательная силовая способность мыслящего субъекта к самоуправлению и к действию, производимому силой воли как силой разума и духа, работающей по принципу командного мышления, во-первых, путем мысленного принятия субъектом волевых решений в своем сознании, которые, во-вторых, исполняются субъектом как свои команды в своих волевых актах, проделываемых субъектом в своем духе как силовое воздействие духа на реальность, создаваемую, изменяемую и управляемую волей субъекта, насколько это подвластно воле в рамках закономерной вариантности порядка вещей и хода событий, ограничивающей свободу воли субъекта как свободу выбора (в сознании) и как свободу действия (в духе).

Доказательство

I. Философия воли не сдвинется с места и даже не начнется без логичного, внятного, не софистического и системно-достаточного ответа на вопрос, гласящий: каким образом моя мысль движет моим физическим телом? Чтобы на первом же шагу не сбиться с пути в поисках ответа, надо хорошо понимать сам вопрос, для чего следует, во-первых, взять в соображение то обстоятельство, что человеческий мозг, который физически или психофизически движет машиной человеческого организма по команде человеческого «я», не есть источник мысленной команды «я», а есть компьютероподобный передатчик мысленной команды «я», исходящей из сознания души, где пребывает мыслящий обладатель воли: «я». А во-вторых, чтобы решить теорему воли, надо хорошо взять в толк, как сделано в других теоремах выше по тексту книги, и не забывать, что:

II. Физическое тело человека со всеми потрохами, включая мясо мозга, которое материалисты путают со своим мыслящим «я», создается с нуля из яйцеклетки в духовном теле человеческого существа как то, что слеплено из неживых частиц материи живым духом, составляющим живую сущность организма и наполняющим собой

[1] Книга «Дух» публикуется в «Невском проспекте» в следующей структуризации:
N8 НП: «Предисловие о том, что есть философия» + §1 «Дуализм духа и материи» +
Фактологическое предуведомление №1 «Спиритическая материализация» +
Фактологическое предуведомление №2 «Духовное тело» + §2 «Человеческий дух»
N9 НП: §3 «Тео-теоремы». Основы теологии в теологических теоремах 1-15.
NN10-11 НП: Фактологическое предуведомление №3 «Спиридониада»
N12 НП: Фактологическое предуведомление №4 «Спиритический черт»
NN13-19 НП: §4 «Теоремы души». Основы психологии в логических теоремах 21-48.

духовное тело как пространственное вместилище физического тела. И поскольку вся жизнедеятельность человеческого организма, включая компьютероподобную работу мозга, есть жизнедеятельность воплощенного в организме духа, постольку передаточным проводником волевых команд «я», движущих физическим телом и исходящих от «я» из сознания души, служит в первую очередь не мозг, да и вообще, строго говоря, не мозг человека, а дух человека, сущностно-двоичный как, с одной стороны, дух организма, а с другой стороны, как неорганизменный дух души, он же личностный дух, который, в отличие от животного духа, способен переходить порог сознания и соединяется в сознании с разумом, а вместе с разумом обретает волю.

III. В соответствии с уравнением двуипостасности души (духовное тело души + сознание души = душа), воля мыслящего «я» души работает в двух ипостасях души, ***во-первых – в сознании души как волевые решения***, волеизъявления, мысленные команды «я», а ***во-вторых – в духовном теле души как волевые силовые действия***, совершаемые по команде «я» духовным телом как волеизъявительные движения духа, каковые применительно к организму имеют физическое выражение в движениях физического тела и сознаются обладателем воли (мыслящим «я») как управление своим физическим телом и проделывание физических действий руками, ногами, головой и прочими теми частями тела, что подвластны воле «я».

IV. Независимо от участия мозга в механизме волевого самоуправления человека (представьте на секунду, что мозг заменен в черепе чипом с ИИ), обусловленность движений физического тела человека командами человеческого «я» (транслируемыми хоть мозгом, хоть вживленным чипом) принципиально похоже на управление компьютеризированной машиной, осуществляемое программистом или обученным оператором. За любой программой управления так или иначе и априори (это аксиома) стоит программист, который есть самосознательный субъект, пребывающий в сознании как в самом себе (а не в мясе мозга и, тем паче, не в чипе каком-нибудь), будь это бог как программист машины вселенной и будь это человек, создающий программы управления для компьютеризированных машин и для самого себя в порядке планирования (все равно что программирования) собственной жизни и своих житейских телодвижений. А стало быть:

V. Воля есть природная принадлежность самосознательного субъекта, способного выступать программистом (будь то бог или человек), и никоим образом не есть какое-либо свойство каких бы то ни было сомнамбул и машин, программируемых программистом и управляемых волей программиста как силовой способностью разума и обладателя разума, работающей, во-первых, в сознании как управляющая мысль, а во-вторых — в духе как управляемое мыслью и выражающее мысль силовое волевое действие, состоящее, например, в том, что ваше мыслящее «я» своей мыслью (читай: своей волей) перемещает свое тело из точки в точку пространства при помощи ног или транспортных средств.

VI. Физическое тело человека, будучи содержащимся в духовном теле человека и оживляемым человеческим духом, получает от духа все свои живые свойства, в том числе ***живую подвижность***, которая является физическим выражением ***подвижности духовного тела***, то есть: ***живые движения физического тела суть движения духовного тела***, имеющие физическую форму и выраженные во плоти (воплощенные).

VII. Общеизвестный дивный факт гипнотической каталепсии физического тела, состоящей в одеревенении тела под гипнозом, наглядно подтверждает теоретическое умозаключение, гласящее, что живая подвижность физического тела есть подвижность духовного тела, а гипнотическая обездвиженность физического тела (каталепсия) есть обездвиженность духовного тела, состоящая в принятии духовным телом застывшей пространственной формы, обеспечивающей каталепсию плоти, что вообще возможно за счет того, что духовное тело — это не только, да и не суть пространственное, а суть силовое вместилище материи тела в пространственных границах тела, где организменная материя (плоть) связана силой духа, движима силой духа и принимает ту же пространственную форму или позу, какую принимает духовное тело силой духа и силой мысли, управляющей духом.

VIII. Гипнотизер осуществляет внешнее управление гипнотической сомнамбулой как духовным телом, выведенным из подчинения воле мыслящего «я» души-хозяйки и исполняющим волю гипнотизера по принципу, называемому внушением и действующему так, что сила духа загипнотизированного субъекта может по командам гипнотизера проделывать такие необыкновенные штуки (чудеса), как внушенная каталепсия и как (что еще чудесней, но что не предел чудес в этом роде) внушенные ожоговые волдыри, возникающие на коже без всякого ожога силою внушенной ложной мыс-

ли об ожоге, срабатывающей как реакция организма на ожог, точнее — реакция на воображаемый ожог, а еще точнее — реакция на внушенную мысль о ложном ожоге, материализующуюся в организме в виде стандартной реакции организма на реальный ожог, что формально похоже на хакерский программный сбой в работе компьютеризированной машины, где в роли хакера выступает гипнотизер. Спрашивается: за счет чего это возможно? Самый общий ответ на такой вопрос давным-давно дан дельной философией: за счет дуализма материи и духа. Но не худо бы уже прояснить, а что, собственно, есть дух и как дух соотносится с материей (чему и посвящена эта книга, имеющая задачей сделать капитальный шаг в установлении истины по заданной теме, распахивая почти непаханую, по сути дела, ниву философии духа и отмежевавшись на корню от тотально господствующей ныне наукообразной софистики Запада, которая сходит за первосортную философию в глазах непосвященных и профанов и будет сходить, пока не лопнут самые величавые и искусно надутые МП (мыльные пузыри) смыслотворчества по философской тематике, а именно пять, перечислим не критиканства праздного ради, а во имя истины святой, хотя нет никакой охоты дразнить бессчетный сонм гусей в кумирне и на страже «птолемеевых систем» Новейшего времени: кантианство (МП №1) + гегельянство (МП №2) + ницшеанство (МП №3) + фрейдизм (МП №4) + эйнштейнианство (МП №5); и если вы, читающий (-ая) эти строки, испытали в этом месте очень понятный автору протест или иные неслабые чувства от покушения на ложное святое, давайте тут же забудем это лирическое отступление в скобках и быстро вернемся в логическое русло теоремы 47).

IX. Физическое тело человека соотносится с духовным телом человека как материальная конструкция со своей нематериальной несущей основой и силовым вместилищем, где материя, сверх и помимо неживых физических сил, как-либо описываемых в учебниках физики, связана живой силой духа, каковая покамест никак не описана ни в каких учебниках, но посильней всякой физики воздействует на неживую материю так, что та в зоне действия силы духа, то есть в духовном теле, пресуществляется в живую плоть и приобретает, кроме прочих живых свойств, живую подвижность, каковая, по существу и на корню, есть подвижность духа, а не материи, но материализованная в организме как физическая подвижность живого существа.

X. Неразумные, они же бессознательные, живые существа (животные) управляются в своем поведении и во всех действиях бессознательно, а говоря ходовым синонимическим термином — инстинктивно (см. теорему инстинкта, №48). Разумные, они же самосознательные, живые существа, такие как мы, люди, управляются в своем бытии не только бессознательно и инстинктивно, но и сознательно, а сознательное самоуправление человека есть волевое самоуправление мыслящего «я» души, пребывающего в сознании души и обладающего в сознании разумом, а вместе с разумом — волей как самосознательной (разумной) способностью управлять самим собой и своим телом силою мысли по принципу командного мышления.

XI. Волевая команда, движущая телом, есть мысль, исходящая из сознания души от мыслящего «я» и действующая первичным образом в духовном теле души, а вторичным образом — в мозгу, где волевая команда работает компьютероподобно как запуск запрограммированных физико-химических процессов и программное управление оными, что вторично относительно силы духа, задействуемой в духовном теле души волевым решением «я»; причем (заметьте еще разок) в трансовом состоянии, например под гипнозом, собственное «я» души-хозяйки может замещаться сторонним «я» в лице гипнотизера, по чьей воле столь же запросто, сколь волшебно, возникает каталепсия и ожог без ожога. А также заметьте, что:

XII. Человек способен явственно ощущать душой, как в ней, в душе, а точнее, в духовном теле души (но не в черепной коробке и не в нервной проводке), из неких нефизических, не мозговых, не нейрохимических, не желудочных, не мышечных загашников жизненной энергии берется и волнообразно накатывает нефизическая сила духа, необходимая для совершения волевого акта и ощутимая как т.н. духовный подъем и т.н. воодушевление, когда человек набирается в сознании мысленной решимости к волевому действию, например, по велению совести, сознаваемому как долг и работающему в душе как то, что в сознании души придает духу души силу, которая во исполнение долга и волевого решения, принимаемого из чувства долга мыслящим «я» души (личностью: лично человеком: самим человеком, а не мозгом его и ничем и никем, кроме него самого), движет духовным телом, а одновременно и физическим телом человека через мозговой аппарат как психофизический транслятор волевой команды «я».

XIII. Волевое решение — это больше, чем волевая команда: волевое решение — это волевой выбор, осознанный или полуосознанный и работающий в сознании как

свершившийся выбор, получивший в сознании решающее значение: сознаваемый в решающей мере: прошедший мертвую точку буридановой нерешительности и являющийся результатом умственной работы души при взвешивании, что называется, «за» и «против». И:

XIV. Чем трудней и мучительней выбор для «я», например, с возрастанием цены ошибки (а труден и мучителен выбор — нотабене — чисто-начисто духовно: исключительно психически, а не физически никоим образом и не психофизически), тем больше явствует моральная смысловая сущность волевого выбора как судьбоносного раздумья на житейских распутьях, чреватых добром и злом в зависимости от выбора, а вместе с моральным смыслом выбора душа ощущает и душой ощущает человек духовно-нравственное бремя выбора как бремя свободы.

XV. Бремя свободы есть бремя моральной ответственности за волевые решения и волевые акты, кои априори долженствуют работать во благо, но не во зло, или, по крайней мере, в русле морально-нейтральной жизнедеятельности, если таковая вообще возможна для нравственных существ с нравственной природой, таких как мы, люди. Соответственно, и сила духа, задействуемая волей и необходимая под волевой акт во исполнение волевого решения, имеет моральный смысл и по-другому (синонимически) совершенно верно прозывается в народе нравственной силой души и лично человека (личности: «я»).

XVI. Человек силен духом как моральная личность, обладающая так называемыми морально-волевыми качествами, в чьем числе на первом месте искони у всех народов числится мужество и является добродетелью как ***истинное мужество***, проявляемое во благо, но не во зло и не на потеху в таких формах ***ложного мужества***, как бравада и лихачество. Вопрос: каким природным образом и по какому закону природы душевное свойство личности, зовущееся мужеством, служит мощнейшим из известных и хорошо заметных источников нефизической силы духа и движет всем человеческим существом, в том числе физическим телом? Кратчайший ответ: по нравственному закону в сочетании с принципом свободы воли.

XVII. Из определения воли как силовой способности мыслящего субъекта к самоуправлению вытекает определение свободы воли как свободного самоуправления субъекта, во-первых, в порядке осуществления беспрепятственного и непринудительного, то есть свободного, волевого выбора и принятия волевых решений в сознании, а во-вторых, в порядке осуществления беспрепятственных и непринудительных, то есть свободных, волевых действий силой воли как силой духа.

XVIII. Теперь примем во внимание тот относящийся к природе воли факт, что волевая деятельность человеческого «я» носит ярко выраженный целенаправленный характер, а цели волевых действий «я» достигаются посредством средств к целям и недостижимы в принципе без средств к целям, в чем состоит ***принцип двуединства целей и средств к целям***; засим базовое определение свободы воли формулируется так:

XIX. ***Свобода воли состоит в свободном самоуправлении мыслящего субъекта и двояка как, во-первых, свобода выбора, состоящая в свободном выборе субъектом целей волевых действий и средств к целям из имеющихся вариантов, что равнозначно принятию волевых решений, а во-вторых, как свобода действия, состоящая в беспрепятственном осуществлении субъектом волевых актов, обусловленных волевыми решениями субъекта как самоопределением к действию.***

XX. Само собой разумеется, что взятый сам по себе как отдельный закон природы, заложенный в конструкции души, принцип свободы воли не есть слагаемое нравственности (наряду с совестью, честью, добродетелями и личной моралью в составе нравственной природы души), но принцип свободы воли работает во взаимодействии с нравственностью личности, откуда происходит поляризация доброй и злой воли; и больше того, принцип свободы воли в своем душевном действии базируется на нравственности, ибо сила воли, требуемая под свободное (а не по внушению начальства) самоопределение к действию и под свободное (а не из-под палки) волевое действие, есть нравственная сила духа, что хорошо видно на примере обусловленности силы воли мужеством, причем не только истинным, питающим добрую волю, но и ложным, питающим злую волю, а также дурную волю по типу удалой бесшабашности.

XXI. Самоопределение нашего «я» к действию имеет, образно говоря, душевную точку опоры в морально-волевых качествах личности, подобных твердой почве под ногами, опираясь на что в своем душевном естестве человеческая личность способна твердо держаться на ногах в жизненном пути и смело смотреть в лицо опасностям бытия, легко преодолевать мертвую точку буридановой нерешительности и моментально

принимать рискованные волевые решения, чувствуя (сознавая) достаточную для их реализации силу духа, присутствующую в душе при наличии мужества и отсутствующую при недостатке мужества, будь то порочный недостаток в душевных качествах личности, называемый трусостью (как пороком), и будь то критический упадок духа в драматичном моменте бытия под напором страха или в приступе апатии и отчаянья.

XXII. Функциональная (рабочая) обусловленность воли «я» нравственностью «я» фактологически очевидна, когда явствует моральная и судьбоносная значимость волевых действий как поступков и волевых решений как самоопределения к поступкам, в моральном дуализме коих как благодеяний и злодеяний выражается моральный дуализм доброй и злой воли, где добрая воля есть производное добродетелей «я», а злая воля — производное пороков «я», при том что воля как таковая не есть производное нравственности, а есть природное личностное свойство сознания как способность мыслящего «я» к самоуправлению собственной мыслью, а не сторонней мыслью какого-либо программиста или гипнотизера (поэтому гипнотизер должен выкинуть ваше «я» из сознания и превратить вашу душу в безвольную сомнамбулу, чтобы своей волей проделывать внешнее управление вашим духовным телом).

XXIII. Воля присуща сознанию (точнее, самосознательной личности: мыслящему «я») безотносительно к нравственному закону, чем объясняется принципиальная возможность того, что воля нравственного существа, такого как человек, сплошь и рядом нарушает нравственный закон, да так свободно и легко (с виду), как будто это вполне естественно для человека, но это естественно только для аморальной (морально деградированной) человеческой личности, которая есть ложное «я» души, и противоестественно для моральной личности, которая есть истинное «я» души (см. теорему истинного «я», №34); причем и свобода ложного «я» ложна, как оно само, и вообще не есть свобода, а есть иллюзия свободы, что фундаментальная этика логически устанавливает так (см. nn. XXIV-XXIX):

XXIV. Как нравственное существо с нравственной природой, то есть как моральная личность, наделенная совестью и добродетелями в своем естественном душевном устройстве, человек есть естественно-свободный (а не зомбированный какой-нибудь и не принуждаемый как-нибудь исподволь) исполнитель нравственного закона и естественный обладатель доброй (а не злой) воли, следовательно: свобода воли действительна и самотождественна (читай: истинна и реальна, а не иллюзорна) как свобода доброй (а не злой) воли и ее обладателя, состоящая в волевом самоуправлении моральной (а не аморальной) личности, осуществляемом моральной личностью в естественном и непринужденном, то есть свободном, согласии с совестью и нравственным законом, в силу которого:

XXV. ***Свобода человека как нравственного существа действительна в морально-правовом поле бытия как в реальной сфере свободы, где свобода есть благо как компонент счастья бытия и работает во благо в согласии с нравственным законом***, но не в нарушение его и не вне его никоим образом; следовательно:

XXVI. Работая во зло, свобода человека ложна, то есть иллюзорна и вообще не есть свобода, а есть ***антисвобода*** как отрицание свободы и как беззаконная и болезненная противоположность свободы, уже по той простой логике, что обладатель злой воли морально нездоров: злая воля — это особо показательный параметр и продукт нравственного нездоровья человеческой личности, причем наказуемый продукт, подлежащий усмирительно-исправительной блокаде, внутренней (душевной) и внешней (социальной), соразмерно исходящим от злой воли угрозам, потенциальным и реализованным в виде злодеяний.

XXVII. Логическая система фундаментальной этики содержит достаточные основания для теоретического вывода, гласящего, что свобода злой воли иллюзорна де-факто и ощущается обладателем злой воли как реальная свобода иллюзорным образом, по принципу обмана чувств. Иллюзия свободы злой воли и ее обладателя работает в душе так, что наряду с фактом этой иллюзии факт и то, что злодеяния могут совершаться и совершаются злодеями и не только злодеями без принуждения извне и беспрепятственным изнутри, то есть свободным, образом, в согласии с принципом свободы воли как таковым, присущим душевному естеству мыслящего «я» безотносительно к нравственному закону как способность мыслящего «я» души, истинного и ложного, морального и аморального, добродетельного и злодейского, осуществлять сознательное самоуправление посредством мысли и силой духа.

XXVIII. Принцип свободы воли безотносителен к нравственному закону как таковой, но действует в заданном нравственным законом морально-правовом поле бытия нравственных существ как в сфере действия естественно данных (а не измышленных

и не присвоенных по личному произволу «я») человеческих прав и свобод, где воля человека поляризуется в своем свободном действии как добрая и злая и как законная и беззаконная, соответственно моральному облику обладателя воли, а заодно поляризуется в действии и свобода воли как истинная (настоящая) свобода истинного «я» и как ложная (ненастоящая: иллюзорная) свобода ложного «я». Та и другая принципиально ничем не отличаются в самом принципе действия воли как беспрепятственного и непринудительного, то есть свободного, самоуправления мыслящего «я» посредством мысли и силой духа, но, при одинаковом принципе действия доброй и злой воли, это суть отрицательные противоположности, отрицающие друг дружку уничтожительным образом, а это, в частности, значит, что в один и тот же момент в одной и той же душе может совершать волевой акт только одна из двух, но не обе вместе: либо добрая воля, совершающая благодеяние, либо злая воля, совершающая злодеяние. Трудней поддается пониманию, но логически доказуема (в системе фундаментальной этики) и отрицательная поляризация свободы воли как истинной и ложной, ибо:

XXIX. Злая воля злодействует вне закона и свободна вне закона и вне естественно-законной сферы свободы, существуя как моральная болезнь души, которую надо лечить и искоренять, в том числе в судебно-принудительном порядке как то, что наказуемо и не имеет права быть. Скажите: ***что в реальности есть та свобода, какой не должно быть в реальности?*** Фундаментальная этика отвечает: это есть отрицательная противоположность свободы: антисвобода: душевное подобие свободы: ложная свобода, которая на самом деле (в реальности) не является свободой, но похожа на свободу до неотличимости на вид и в восприятиях, ибо она реализуется по тому же закону природы, что и истинная свобода. Закон природы сей зовется принципом свободы воли.

XXX. Сместим, далее, логический акцент на мотивацию воли, логически оттолкнувшись от определения, гласящего: ***душевный механизм воли функционирует как целенаправленная и мотивированная волевая активность мыслящего «я» души, заданная житейскими целями «я» как движущими мотивами воли и состоящая из волевых актов «я» как способов достижения целей, то есть как средств к целям.***

XXXI. В силу дуализма сверхличного и личного мышления души, мотивация воли двойственна, во-первых, как сверхличная мотивация воли (независящая от человеческого «я») и как самомотивация «я»; а вместе с тем, по стороны 3-го порога сознания и в связи с автоматизмом воли мотивация воли двойственна, во-вторых, как сознаваемая и несознаваемая; в-третьих, в силу дуализма души и организма, мотивация воли двойственна, с одной стороны, как разумная (и нравственная в том числе) мотивация, обусловленная разумной (и нравственной в том числе) природой души, а с другой стороны, как инстинктивная мотивация, диктуемая потребностями организма мыслящему «я» души как воплощенному «я». Это определение записывается в формульном виде тремя уравнениями мотивации воли (УМВ):

1-е УМВ: сверхличная мотивация + самомотивация = мотивация воли.

2-е УМВ: сознаваемая мотивация + несознаваемая мотивация = мотивация воли.

3-е УМВ: разумная мотивация + инстинктивная мотивация = мотивация воли.

XXXII. Свобода воли и сама воля не факт, если из механизма воли изъять самомотивацию «я», это все равно что изъять из души само «я», без чего остается безвольная сомнамбула, каковая вместе с сознанием лишена самосознательной (волевой) способности самоопределяться к действию, а волевое самоопределение к действию — это то же самое, что волевая самомотивация, присутствующая у мыслящего «я» вместе с волей (и сознанием) и отсутствующая у сомнамбулы вместе с волей (и сознанием).

XXXIII. Самомотивацию «я» составляют волевые решения «я», принимаемые в сознании как самоопределение к действию, а точнее говоря — как выбор обладателем воли целей волевой деятельности и средств к целям как способов осуществления целей, где цели волящего «я» (обладателя воли) суть мотивы волевых действий «я».

XXXIV. Нет бесцельных и немотивированных волевых действий, ибо: волевая деятельность состоит в решении жизненных задач, поставленных жизнью перед человеком и поставленных им самим перед собой как целевые задачи, а решение жизненных задач — это то же самое, что осуществление жизненных целей, а те неосуществимы без средств к целям, выбираемых и применяемых как способы достижения целей, что выражается и реализуется в виде целенаправленных волевых актов (действий), проделываемых волящим «я» для достижения выбранных целей и мотивированных целями.

XXXV. Свобода выбора волящего «я» заключается в самомотивации «я» к целенаправленному волевому действию и имеется у «я» в виде возможности предпочитать

одни цели другим целям и одни способы достижения целей другим способам, выбираемым вместе с целями как средства к целям.

XXXVI. ***Самомотивация воли*** (она же самомотивация «я» как самоопределение «я» к волевому действию) ***соотносится с прочей мотивацией воли как с факторами влияния на самомотивацию, которые суть обстоятельства свободы, двоякие как внешние и внутренние***, находящиеся вне человеческого существа и в человеческом существе, соответственно.

XXXVII. То, что влияет на самомотивацию «я» в человеческом существе, составляет изнутри сверхличную мотивацию воли, поляризованную в дуализме души и плоти, в соответствии с 3-м уравнением мотивации воли: разумная мотивация (неорганизменная) + инстинктивная мотивация (организменная: плотская) = мотивация воли, где главенство, что само собой разумеется (но чего не разумеет тот, кто считает себя животным), принадлежит неорганизменной мотивации, идущей уж никак не из того места, в каком усмотрел корень всей психологии человека доктор Фрейд.

XXXVIII. Указанное (см. п. XXXVI) принципиальное соотношение самомотивации воли с прочей мотивацией как с факторами влияния на самомотивацию подразумевается самим принципом свободы воли как законом природы и обеспечивает в конструкции человеческого существа свободу воли как свободу волящего «я»: свобода воли невозможна в принципе и обнулится как таковая, если обнулить самомотивацию «я» каким-либо сомнамбулически-роботическим образом, что равнозначно обнулению самой воли и самого обладателя воли («я»: личности) путем превращения души в сомнамбулу, сновидческую или трансовую (плюс третье самосозерцательное типа безличностной души младенца).

XXXIX. ***Воля свободна, поскольку свободна самомотивация волящего «я»***, во-первых, как беспрепятственное и непринудительное, то есть свободное, самоопределение «я» к действию; а когда самоопределение (самомотивация) «я» осуществляется под ощутимым давлением извне или изнутри, воля остается неуязвима в своей естественной (обеспеченной принципом свободы воли) свободе только в части мысленного выбора «я» из имеющихся на выбор вариантов, но не в части волевых действий, принудительно мотивируемых давлением на «я» извне, например, дурным приказом начальства, или изнутри, например, страхом наказания за невыполненный приказ, где приказ и страх суть обстоятельства свободы и факторы влияния на самомотивацию «я», каковые сами по себе не могут обнулить свободу воли в сознании как свободу выбора, проделываемого мысленно в сознании, в данном случае, из двух вариантов на выбор в виде выполнения или невыполнения дурного приказа: волящее «я» свободно в мыслях выбрать хоть то, хоть другое, и принципиально таким же образом человек всегда (или как правило) свободен в сознании выбирать, как поступить, анализируя расклад обстоятельств свободы, но в части волевой реализации свободного выбора посредством волевых действий свобода воли за обыкновение бывает ограничена вплоть до обнуления как свобода действия, обращенная в ***бессильную противоположность свободы*** — в несвободу или в сильно ограниченную свободу действия под прессом внешних и внутренних обстоятельств свободы.

XL. Не забудем акцентировать, далее, что в обыденном порядке вещей свобода действия реализуется большей частью машинально или полумашинально в автоматическом или полуавтоматическом режиме волевой активности, протекающей как будто бы бессознательно, но раз воля как таковая присуща сознанию, то и ***автоматизм воли присущ сознанию*** как сознательная волевая активность «я», проделываемая машинально или полумашинально по несознаваемым или плохо сознаваемым, за ненадобностью, алгоритмам действий, некогда заученным волящим «я» до автоматизма (как, например, при освоении профессии) или инстинктивным по своему происхождению, то есть относящимся к инстинктивной (организменной) мотивации воли.

XLI. Присмотревшись к машинальной сомнамбулоподобной волевой активности своего «я», состоящей из множества заученных житейских действий, проделываемых не задумываясь, можно наглядно наблюдать, как автоматизм воли выражает собой работу принципа свободы воли, обыкновенно осуществляясь непринужденно и беспрепятственно; причем (NB): несознаваемые машинальные волевые действия «я» контролируются сознанием души (разумом) сверхличностным образом без участия «я», и в любой момент, в случае возникновения житейской необходимости, автоматический режим волевой деятельности может переходить в режим личностного контроля воли, проделываемого лично мыслящим «я» с той или иной степенью внимания к каждому отдельному волевому действию, пропорционально, например, сознаваемой опасности, когда воля работает в зоне риска; а вообще говоря:

XLII. Волевой выбор и волевые действия долженствуют лично сознаваться и кон-

тролироваться мыслящим «я» (лично человеком) в степени, соразмерной жизненной значимости выбора и душевной трудоемкости волевых актов как поступков, требующих силы воли, соответственно бремени свободы как тяжести моральной ответственности нравственного существа за свои деяния и за свое самоопределение к деяниям, которое в морально-правовом поле бытия есть моральный выбор, а это так или иначе, тем или иным образом всегда есть выбор между добром и злом (см. учебник «Школьная этика: нравственный закон», часть II «Этика старших классов», глава 1 НЗ «Добро и зло», статья 4 НЗ «Свобода», программный урок 12 «Моральный выбор»).

XLIII. Как ни крути, принцип свободы воли и саму волю практически (в действии) невозможно абстрагировать от нравственного закона в человеческом бытии, но если абстрагировать чисто теоретически как нечто само по себе морально-нейтральное (подобно тому как морально-нейтрален сам по себе какой-либо подручный инструмент безотносительно к его волевому применению человеком в морально-правовом поле свободы), то, пожалуй, самое интересное и труднопостижимое в природе воли затронуто в зачине доказательства этой теоремы в связи с вопросом: каким образом моя мысль движет моим физическим телом? Сей вопрос предметно расширяется и усложняется, принимая во внимание волевые чудеса, проделываемые йогами и другими аскетами, кои, пребывая в состоянии сознания (пускай в т.н. измененном), например, обнуляют силой воли как силой мысли болевые реакции организма на повреждения, а гипнотизер силой воли как силой мысли может повреждать чужой организм, вызывая внушенные ожоговые волдыри на коже, не раз упомянутые в разных теоремах как логически достаточный единичный пример-рефрен, избавляющий от необходимости подбирать кучу примеров с таким же КПД. Будет достаточно хорошенько обдумать единственно факт сих ожогов без ожогов или близкородственный факт стигматов, чтобы сообразить, что то, что называется словом мысль, составляет не только проектную, но и силовую основу всего в этом мире, то есть: этот мир создан мыслью. Догадайся, человек: чьей? И как?

Логическая теорема 48

ТЕОРЕМА ИНСТИНКТА

Инстинкты – это абсолютные управляющие программы машинального поведения организма, предустановленные в абсолютной идее организма и работающие в духе организма как то, чем обусловлено высокоорганизованное сомнамбулическое поведение организма и программно-автоматические действия организма, которые в человеческом существе подконтрольны человеческому разуму, во-первых, как абсолютному логическому оператору души, управляющему душой и человеческим духом независимо от мыслящего «я» души, а во-вторых, как исполнительному оператору воли «я», обеспечивающему волевое самоуправление «я» по принципу свободы воли.

Доказательство

I. То, что называется инстинктами, в чистом виде и в чисто-собственной работе наблюдается в мире животных и не может не приводить в изумление разумного наблюдателя как очень высоко (так высоко, что выше некуда) организованное сомнамбулическое (бессознательное) поведение живых существ, характеризующееся причинной обоснованностью, ярко выраженной целенаправленностью и точной расчетливостью действий, демонстративно свидетельствующих, что они проделываются по разумным алгоритмам, управляющим животной сомнамбулой, как если бы это было разумное (читай: самосознательное) существо, но ввиду отсутствия сознания, а стало быть, и разума у чистейших сомнамбул, населяющих мир животных (и принципиально отличных от человеческой сомнамбулы, способной переходить порог сознания и обретать в сознании разум), логика запрещает называть разумом то, чем руководятся в своем животном духе муравьи, строящие муравейник, пчелы, делающие соты, птицы, вьющие гнезда, бобры, мастерящие плотины, etc.; и взамен разума повелось некогда и общепринято ныне называть инстинктом в единственном и инстинктами во множественном числе альтернативу разума в живом естестве неразумных обитателей нашей планеты.

II. В наш век умных машин, управляемых компьютерной программщиной и программируемых программистами, вполне уместно воспользоваться универсальной (широкопрофильной) компьютерной аналогией применительно ко всем чистым сомнамбулам как живым машинам, управляемым в своем бессознательном поведении тоже чем-то типа программщины, называемой инстинктами, которые, говоря букваль-

но по компьютерной аналогии (для логической наглядности), установлены абсолютным программистом, то есть абсолютным разумом (богом-творцом), в живом естестве организма и предустановлены в абсолютной идее организма, реализуемой в жизненном цикле организма. Отсюда вытекает простенькое рабочее определение инстинктов как абсолютных управляющих программ (АУП), по аналогии с айтишным термином управляющих программ (УП).

III. Инстинкты не присущи неживым телам и управляют не камнями и водой, а организмами, а живое естество организма составляет собой живая сущность организма, которая есть дух, наполняющий духовное тело организма, являющееся нефизическим (нематериальным) вместилищем физического тела организма, чьи все живые свойства и признаки, в том числе инстинкты, суть свойства и признаки духа, а именно организменного духа, который философия духа должна логически отделить от неорганизменного духа души, иначе невозможно решить наиважнейший для обладателя души вопрос философии, являющийся основным вопросом психологии и гласящий: что есть душа? Ввиду явной организменной принадлежности инстинктов, не помешает и здесь повторить, что:

IV. Дух организма и дух души — это априори принципиально разные живые сущности, но апостериори (как факт человеческой природы) соединимые в человеческом существе в живое синтетическое целое по диалектическому уравнению: дух организма + неорганизменный дух души = человеческий дух, сущностно-двоичный по природным свойствам (плотским-организменным и неплотским-душевным) и объектно-единичный как монолитное духовное тело человеческого существа, являющееся единым духовным и пространственным (духовно-пространственным) вместилищем человеческого организма, человеческой души и человеческой личности, где последняя есть собственно человек как таковой, то есть собственно вы, читающий (-ая) эти строки мыслящий субъект, называющий себя местоимением «я» и именем человека. Имя человека — это имя не организма: человек — это не организм и не мозговая часть организма, равно как и не мозговая иллюзия. Впрочем, если вы материалист, пусть священники убеждают вас в том, что вы не кусок мяса и не мираж в мясе, мерещащийся самому себе, миражу, как «я» мыслящего мяса. Не для и не против материалистов, а для пущей ясности ФС, строящейся прямо сейчас ясным и понятным народным языком, зачищенным от терминологической абракадабры, измышленной софистами Запада и ни к черту негодной, кроме как для выпендрежа перед профанами, да будет повторено еще раз и столько раз, сколько понадобится, что человек не есть организм, а есть личность, которая есть мыслящее «я» души и имеет не плотское, а душевное естество, противоположно соотносящееся со всем естеством организма, включая материю организма (плоть) и живую сущность организма, воплощенную (материализованную) в физическом теле без отождествления с оным, ибо она есть дух, но: дух организма не есть душа. Иначе у каждой букашки была бы душа, сознание и «я». Прибавка сознания к организму есть прибавка души и принципиально другого духа: неорганизменного: личностного: способного переходить порог сознания и обретать в сознании разум, волю и личностную форму мыслящего «я».

V. Живая сущность (дух) организма есть организменная сомнамбула, сущая во плоти и лишенная разума как способности к мышлению, обретаемой в сознании другого рода живой сущностью, способной переходить порог сознания. Такого рода живой сущностью является душа человека и отличает своего обладателя от животных как разумное и самосознательное существо от неразумных и бессознательных существ, в соответствии с двухчленным диалектическим уравнением человеческого существа: организм + душа = человеческое существо. За вычетом в уравнении разумной и самосознательной живой сущности, зовущейся душой, остается неодушевленный организм как неразумное и бессознательное живое существо, называемое животным. Засим вполне логично животные синонимически называются организмами и классифицируются биологами по так называемым биологическим видам, составляющим мир животных как мир организмов. Но:

VI. Совершенно нелогично биологи назвали биологическим видом и человеческий род: это все равно что отождествить человека с организмом и взирать на человеческое общество как на усложненный муравейник. Сходство-то есть и даже разительное и поразительное кое в чем, но всякий биолог как разумное существо должен бы разуметь, что из муравья, то есть из организма, делается разумное существо, такое как биолог, то есть человек, путем одушевления организма, который предварительно затачивается эволюцией под одушевление, так чтоб могла выполняться формула: организм + душа = разумное существо (одушевленное). Если биолог-эволюционист на всем серьезе взирает на колоссальную вещь, называемую эволюцией земной жизни, как на результат всего-навсего какого-то приспособительного отбора и какой-то битвы видов

в пищевой цепочке, такого эволюциониста самого нужно отобрать для пересборки и подтолкнуть по цепочке к осознанию той простой, вытекающей уже просто из дуализма души и организма истины, что антропогенез как составная часть планетарной эволюции, отсчитываемая от т.н. эректусов, или от хабилисов, или от австралопитеков, да хоть от мартышек, — это эволюция не человека отнюдь, а человеческого организма, не более того, хотя и не менее (ведь все-таки не шутка дойти в отборе и драке видов от муравья до хабилиса). Но ближе к теме теоремы 48:

VII. В силу, во-первых, разумного естества души, а во-вторых, ввиду противоположности инстинкта и разума как принципиально разных управляющих сил, присущих живому естеству разных живых существ (неразумных и разумных) или одного и того же живого существа, такого как разумное человеческое существо, сущее во плоти, термин инстинкт принципиально неприменим к душе (кроме как метафора) и принципиально подходит только к организму, в том числе к человеческому организму, но с принципиальной поправкой на одушевленность оного, а этой поправкой инстинкт низвергнут с пьедестала, занимаемого инстинктом в мире животных как в царстве инстинкта, где инстинкт имеет неограниченную власть, коль скоро животный дух управляется сугубо инстинктивно в своей поведенческой жизнедеятельности, всецело обусловленной потребностями организма.

VIII. Надо уточнить и закрепить в базовом простом определении инстинктов, что термином инстинкт обозначается абсолютное программное управление не всею, а только (или главным образом) поведенческой жизнедеятельностью (поведением) организма как плотской машины, собранной из молекул, движимых как организованное множество не только инстинктами, под чьим управлением осуществляется запрограммированное поведение организменной сомнамбулы как последовательный и отличающийся специфической логикой ряд машинальных действий, обусловленный жизненными потребностями организма и жизненной необходимостью в их удовлетворении и в соответственной организации вообще всего поведения и всего жизненного цикла живого существа, сущего во плоти как организм (это животное) или как обладатель организма (на нашей планете это человек).

IX. Машинальное поведение организма под управлением инстинкта логично называется инстинктивным поведением, которое всеобъемлюще в мире животных как в царстве инстинкта, то есть: поведение животных можно считать либо всецело инстинктивным, либо почти всецело таковым, делая поправку на способности высших животных, похожие на некий зачаточный разум как диалектическое третье между инстинктом и разумом. Нечто подобное можно усмотреть и у человеческой сомнамбулы, например, в гипнотическом трансе, когда она, выполняя команду гипнотизера, управляется не инстинктивной программщиной и не мыслью волящего «я» своей души, а мыслью другого волящего «я», выступающего в роли внешнего управляющего. Если гипнотизер заставляет человеческую сомнамбулу производить мыслительные действия посредством командных внушений и вопросов с требованием ответов, он поступает, как дрессировщик цирковых животных, заставляющий животную сомнамбулу проделывать нечто, похожее на самостоятельное мышление мыслящего субъекта, с результатом в виде успешного обучения цирковым действиям, лишенным инстинктивного характера, но и не разум в них проявляется, а некое третье, тут не суть, какое именно, суть тут в том, что оговоренная деталь играет пренебрежимо ничтожную роль в том фактическом раскладе, что:

X. В мире животных безраздельно царит инстинкт, тогда как в мире людей и в каждом человеческом существе власть инстинкта естественным образом ограничена сферой инстинктивной мотивации воли, а та поставлена под душевный контроль разума и совести, а также под внешний дисциплинарно-правовой контроль общества и действует в душе через самомотивацию «я» как фактор влияния на волю «я», сколь угодно существенный, в силу своей естественности, но, в силу принципа свободы воли, принципиально подвластный воле «я», если только «я» вменяемо и пребывает в сознании, а не выкинуто из сознания и не свалилось в какой-нибудь, как говорят в народе, автопилот.

XI. Ввиду прямой зависимости между инстинктами и потребностями организма, классификационную систематизацию первых можно логически извлекать из классификационной систематизации вторых, но вместе с тем или даже вместо того есть теоретический смысл свести все инстинкты всех организмов, включая наш человеческий, к одному-единственному инстинкту воспроизводства, а сей всеобщий и всеобъемлющий инстинкт дифференцируется начиная с первостепенной диады пищевого и полового инстинктов, по формуле: ***инстинкт воспроизводства = пищевой инстинкт + половой инстинкт + прочие инстинкты***, где третьим слагаемым обо-

значается системное множество каких хотите инстинктов, выполняющих все вместе подчиненную функцию в любом организме относительно диады пищевого и полового инстинктов как двух базовых программных компонентов инстинкта воспроизводства, по определению:

XII. Инстинкт воспроизводства есть всеобъемлющая абсолютная программа управления поведением организма, чье существование инстинктивно организовано в жизненном цикле главным образом как физическое воспроизводство данного организма по алгоритмам пищевого инстинкта, в одном базовом отношении, и как эволюционно-биологическое воспроизводство данного вида организмов по алгоритмам полового инстинкта, в другом базовом отношении.

XIII. Каждый из нас, людей, знает по себе, что применительно к человеку инстинкт воспроизводства, взятый в обоих базовых отношениях, пищевом и половом, составляет львиную долю инстинктивной мотивации воли и вытекающего поведения человека, так что трудно выискать какой-то еще инстинкт, соизмеримый с оными двумя по жизненной значимости. Небезосновательно разве что выделяют инстинкт самосохранения, специфически (не так, как те) работающий на воспроизводство организма и наиболее выраженный в связи с инстинктивными страхами, вносящими или способными вносить немалую весьма лепту в мотивацию воли в ответ на многообразные угрозы жизни и здоровью. Вот, собственно, и вся база инстинктивной мотивации воли, представленная диадой или триадой основных инстинктов, укладывающихся в логические рамки всеобъемлющего инстинкта воспроизводства. Прочей инстинктивной мотивацией воли философия духа может пренебречь. И если, например, инстинкт удовольствия (или инстинктивный принцип удовольствия, классифицируйте как хотите) способен оспаривать и занимать первое место во всей житейской мотивации гедониста, то это не норма человеческой психологии, а моральный недуг личности, то есть порок, не более того, хотя и не менее (учитывая современную тенденцию гедонистических страстей приобретать эпидемически-массовый и маниакальный характер).

XIV. Инстинктивная мотивация воли, обусловленная естественными потребностями организма, реализуется наиболее заметным образом через естественные желания организменного происхождения, ощущаемые, а ощущаясь, и сознаваемые душой и мыслящим «я» души как свои (а не чужие какие-то) желания, ибо: все желания, испытываемые нашим человеческим существом, хоть организменные, хоть неорганизменные, хоть приземленные, хоть возвышенные, хоть плотские, хоть высокоинтеллектуальные и высоконравственные, возникают как таковые в человеческом духе и, имея полярную обусловленность (организменную и неорганизменную: плотскую и неплотскую), имеют духовную природу сами по себе как то, что происходит в духе и с духом, представляя собой движения или влечения духа, целенаправленные к предметам желаний и чувствительно воздействующие на сознание души, побуждая волящее «я» души к удовлетворению тех потребностей и запросов человеческого существа, что заявляют о себе через сознаваемые желания.

XV. Инстинктивные потребности организма, чувствительно сигнализируя о себе посредством инстинктивных желаний, прежде всего пищевых и половых, составляют инстинктивную мотивацию воли, во-первых, в виде самих желаний, ощущаемых и сознаваемых волящим «я», а вместе с тем, во-вторых, в виде побудительного, или возбужденного, или гнетущего (и проч.) состояния человеческого духа, а стало быть, и души, мотивировочно обремененной житейской необходимостью прикладывать волевые усилия и шустрить на поприщах удовлетворения потребностей организма, где (добавим отдельно):

XVI. Волевая активность «я» изрядно стимулируется сдвоенным мотивировочным принципом, а именно: это принцип удовольствия (или сатисфакции: удовлетворения), получаемого в качестве поощрительной награды, целевой или сопутствующей, + принцип наказания как (в широком смысле слова) дисциплинарного мотиватора воли, работающего через страх и боль и через всяческие тяготы, грозящие и постигающие «я» как наказание, в том числе, при маленьком КПД волевой активности «я» в заботах о своем дражайшем организме (не дражайшем только для больших аскетов). И во всех сферах людского бытия так или иначе действует принцип воздаяния, выражающийся в том, что волевые усилия, затрачиваемые человеком на решение каких-либо жизненных задач, мотивировочно стимулируются воздаянием, ожидаемым за хлопоты, труды и суету и поляризованным как приятное (поощрительное) и неприятное (наказательное). Ибо воздаяние предусмотрено нравственным законом как законом справедливости, то есть: справедливость вершится закономерно как законное двоякое воздаяние по заслугам и грехам и имеет силу нравственного закона как ***принцип справедливости***, основополагающий в суде совести и в мировых судах, в том числе что касается базовой

тетрады принципов правосудия, разбитой на диады: {принцип обвинения + принцип защиты} + {принцип наказания + принцип прощения} = правосудие = судная справедливость (см. учебник «Школьная этика: нравственный закон», часть II «Этика старших классов», глава 2 НЗ «Суд совести»: статьи 6-10 НЗ: программные уроки 16-30).

XVII. Инстинктивная мотивация обыкновенно овладевает волящим «я», что называется, исподволь, то есть так, что «я» плохо сознает в текущем моменте или вообще не сознает, за ненадобностью, чем оно мотивировано в веренице волевых действий, преимущественно машинальных или полумашинальных, но: в силу принципа свободы воли (см. теорему воли, №47), любая сверхличная (идущая не от самого «я») мотивация воли, хоть сознаваемая, хоть несознаваемая, хоть полуосознанная, работает через самомотивацию волящего «я» в сознании души как фактор влияния на самомотивацию, который абсолютно подконтролен человеческому разуму на обоих уровнях мышления души, сверхличном и личном (см. теорему человеческого разума, №46). Это значит, что:

XVIII. В силу принципа свободы воли, никакой сверхличный фактор влияния на самомотивацию «я», хоть инстинктивный и бессовестный, хоть высоконравственный, идущий от совести прямиком из абсолюта, просто не сработает, то есть не сможет повлиять на волю и будет как-либо заблокирован в душе разумом, если волящее «я», простите за тавтологическую фигуру речи а ля каламбур, не даст волю фактору влияния на волю, чтоб тот реально — в ***сфере реальности***, а не в ***сфере возможности*** — мог влиять на волю и овладевать волей, принимаясь мыслящим «я» в состав самомотивации и через это принятие диктуя мыслящему «я» волевые решения с вытекающей реализацией их в волевых актах.

XIX. Сверхличная мотивация воли принимается мыслящим «я» в состав самомотивации либо беспрепятственно, либо преодолевая психологические препятствия, то есть через душевную борьбу, а психология оной варьируется в диапазоне от откровеннейших сделок «я» с самим собой, прозрачных и для стороннего наблюдателя, до тончайшего морального психологизма, запутанного на пороге сознания, где мыслящее «я» частенько даже в сущих пустяках норовит обмануть себя и уйти в несознанку в неблаговидной самомотивации. Колоритные примеры сделок «я» с самим с собой и с совестью и недурственный анализ их психологизма можно найти в произведениях непревзойденных мастеров психологической прозы родом, приятно сказать, из России: это Федор Достоевский и Лев Толстой.

XX. Если какая-либо мотивация воли доходит до сознания и сознается мыслящим «я», но не реализуется, во-первых, в виде волевых решений, принимаемых волящим «я» в сознании, а вместе с тем и вслед за тем, во-вторых, в виде волевых актов, проделываемых волящим «я» в духе силой воли как силой духа в порядке реализации волевых решений, то мотивация остается нереализованной, то есть не переходит в сферу реальности, оставаясь в сфере возможности, например, как неосуществленное желание, каковое сознается мыслящим «я», а стало быть, и оказывает мотивировочное воздействие на «я» как то, чего хочет душа или плоть, но не реализуется, напарываясь либо на внешнюю преграду, либо на душевную блокаду, либо на ту и другую разом. А обыкновенно блокируются либо изнутри, либо извне, либо с обеих сторон предосудительные и греховные, рискованные и наказуемые желания и страстишки.

XXI. Можно считать правилом, обеспечивающим свободу воли, и законом природы души следующий вполне очевидный душевный факт: ***желания, составляющие или способные составить мотивацию воли человека, сознаются человеком в достаточной мере, чтобы он мог самоопределиться по отношению к ним как дозволенным или недозволенным***.

XXII. Во исполнение принципа свободы воли, психологический закон, сформулированный в п. XXI, допускает ошибочное и аморальное, греховное и преступное и вообще какое только заблагорассудится самоопределение «я» по отношению ко всем желаниям, возникающим в каких угодно загашниках человеческого духа, в том числе безличностных-организменных, как, например, чистое плотское желание утолить голод, но и это, и любое желание нашего человеческого существа приобретает личный характер и становится своим или как будто бы (и если иллюзорно, но до неотличимости) своим собственным желанием нашего волящего «я», когда желание, во-первых, доходит до сознания, то есть сознается, а сознаваясь, во-вторых, мотивирует волящее «я» (лично человека) к помыслам и действиям, целенаправленным к осуществлению сознаваемого желания. Вот между этими «во-первых» и «во-вторых» заложен в конструкцию человеческой души ***момент самоопределения «я» относительно желаний*** и заключается в том, что:

XXIII. Опять-таки во исполнение принципа свободы воли, человек, сознавая какое-либо желание, располагает возможностью выбирать из имеющихся вариантов

самоопределения по отношению к желанию, таких как: поддаться или не поддаться желанию, лелеять или подавлять желание, предпринимать что-либо или не делать ничего во исполнение желания, выбрать те или другие способы осуществления желания как средства к цели, и если те поляризованы как безопасные и опасные, то самоопределение приобретает рискованный характер, а если речь идет о запретном желании, осуждаемом обществом (извне) или совестью (изнутри), то человек поставлен в душе своей перед моральным выбором, который всегда есть выбор между добром и злом и в данном случае упирается в вопрос: во благо или во зло запретное желание мне самому и кому-либо еще, кроме меня; и в смысловых рамках этого вопроса желание поляризуется как дозволенное или недозволенное, по простой сдвоенной формуле:

XXIV. Общая моральная формула дозволенного и недозволенного:

Позволено, что во благо, и не позволено, что во зло.

Общая моральная формула наказуемого и ненаказуемого:

Ненаказуемо, что позволено, и наказуемо, что запрещено.

Это суть обобщенные логические аксиомы, столь же простые, сколь фундаментальные и сполна познаваемые человеком через совесть как моральные истины и абсолютные основоположения нравственного закона, диктуемого человеку совестью как абсолютным душевным законодателем; а в правовом поле свободы, регламентируемом государственным законодательством (правом) и религией, общие моральные формулы дозволенного и недозволенного и наказуемого и ненаказуемого принимают развернутый вид в списках морально-правовых и религиозных установлений и предписаний, степень разумности и неразумности (логичности и алогичности) коих безошибочно измеряется в суде совести.

XXV. Кабы человеческий род был биологическим видом, как неправильно учат ныне детей в школе, то мир людей, как и мир животных, был бы естественным царством инстинктов, где следовало бы официально признать верховной властью биологический (организменный) диктат основных инстинктов, пищевого и полового, и снять все морально-правовые и религиозные ограничения со всех способов удовлетворения пищевых и половых желаний гражданами, законодательно позволив гражданам ни в чем не ограничивать свою плоть и вменив гражданам в гражданский долг прислушиваться в своем существе в первую очередь и главным образом к голосу плоти. Казалось бы, это дикость дикая и дичь дичайшая, но что-то именно в этом роде реализуется в скачковом темпе в такт с НТР под знаменами сексуальной революции и потребительско-гедонистического переворота в массовом сознании, а также, конечно-конечно, под святейшей хоругвью свободы. Но свобода инстинктов (в мире людей) — это свобода от разума и совести. И наоборот.

XXVI. Псевдофилософский спор, что главней и сильней: инстинкт или разум — не стоит выеденного яйца, за очевидностью разумного и нравственного естества человека как такового, то есть как личности, которая как неорганизменный, небиологический, не состоящий из мяса и костей субъект, формирующийся в душе своей как личностная форма души, не может в принципе иметь в своем душевном естестве и в самой себе ни пищевого, ни полового инстинкта и вообще никакой инстинктивной программщины, в соответствии с простым рабочим определением инстинктов как абсолютных управляющих программ машинального поведения организма, а не души и личности. Тем банальным житейским фактом, что голос плоти способен запросто и на ноль заглушать голос совести, помрачать разум, завладевать волей и вертеть волящим «я», как заводной игрушкой, ни на йоту не умаляется логический факт высшего порядка, констатируемый дельной философией, великими религиями и элементарным здравомыслием как естественное принципиальное главенство разума и совести над инстинктами в конструкции человеческого существа. Абсолютный примат человеческого разума над инстинктами человеческого организма самоочевиден чисто логически, но если вам нужны и чистые фактические и экспериментальные доказательства, то наилучшим среди таковых является самоубийство как волевой акт, доказывающий де-факто, что человек силой мысли как силой воли может заблокировать разом всю инстинктивную программщину организма, приняв волевое решение о самоубийстве и отдав команду разуму привести приговор в исполнение. Незаурядный апологет-теоретик полового инстинкта, Фрейд, измыслил инстинкт смерти в противовес инстинкту жизни (половому), чтобы объяснить природную предрасположенность человека к самоубийственному поведению, причем массовому, имея в виду войну; фрейдистский инстинкт смерти — это классический образчик западной наукообразной софистики как искусства выдумывать то, чего нет, и с блеском теоретизировать на пустом месте о том, чего нет и быть не может никоим образом, кроме как в качестве фантазии, даже не гипотезы (чему должны быть основания пологичней). Непревзойденный по эффек-

ту пример принципиально в том же роде, но на принципиально новом для западных мастеров софистики поприще точных наук — абсурдистская фантазия об относительности времени, физико-математическая по виду и фокусническая по сути (см. контраргументацию в разделе 1 «Определение времени» книги «Формула времени»).

XXVII. Для мыслящего субъекта, сущего во плоти, самое важное по теме теоремы инстинкта связано с ролью инстинктов в качестве душевных стимуляторов порока. На примере двух распространенных пороков с ярко выраженной организменной обусловленностью, называемых сладострастием и чревоугодием, хорошо видно, что в душевном устройстве человека предусмотрена природой (а точнее, богом-творцом) морально-волевая узда для инстинктивной мотивации воли, так что при ослаблении морально-волевого контроля над плотскими желаниями и страстями те норовят поработить волю и приобретают болезненный характер как систематическое сверхнормативное отклонение от нормы нравственного здоровья души, каковое есть порок, если оно вошло в привычку и укоренилось в душе, что равнозначно установлению душевного диктата инстинкта над волей и волящим «я», а вместе с тем и над разумом как исполнителем воли «я», по принципу свободы воли.

XXVIII. Немножко теории из области фундаментальной этики: в число основных природных моральных качеств человека, называемых добродетелями, входит добродетель, называемая в народе умеренностью, или мерой (как синонимом чувства меры), и определяемая фундаментальной этикой попроще так: ***мера – это рациональная добродетель, присущая моральной личности как морально-волевая способность «я» ограничивать себя в желаниях и запросах и наводить благоразумную гармонию в мотивации воли, в соответствии с заповедями меры, гласящими: знай меру и ничего лишнего.*** Добродетель меры имеет две диалектические стороны: смирительную и рациональную, или: силовую и логическую. Формульная запись: смирительная мера + рациональная мера = медальный Янус меры. Со смирительной стороны добродетель меры — это морально-волевая силовая способность личности к самоограничению и к воздержанию от излишеств. С чистой рациональной стороны добродетель меры — это умственная способность обладателя воли благоразумно и благонравно уравновешивать самомотивацию и поведение, исключая мерой противоречия с совестью и честью, создаваемые, в том числе, неумеренными и запретными желаниями организменного происхождения и животными страхами, загружаемыми в мотивацию воли триадой основных инстинктов: пищевой инстинкт + половой инстинкт + инстинкт самосохранения = инстинкт воспроизводства (системное ядро). Кто давно уже не ребенок и не слишком испорчен, тот хорошо знает по себе без всякой науки и философии, каким образом работает добродетель меры как естественный душевный регулятор плотских желаний и страстей. Это называется в народе — знать меру и иметь чувство меры, с потерей чего волящее «я» рискует потерять человеческое лицо и потерять само себя как моральную личность. Когда неумеренное и запретное, гедонистическое и скотское потакание своим животным страстям и слабостям входит в привычку, это называется пороком и дифференцируется в отдельных пороках, каковая дифференциация особо наглядна (в контексте теоремы инстинкта) в трех пороках: сладострастие + чревоугодие + трусость. Невооруженным глазом заметна корневая зависимость каждого из этих трех пороков от своего производящего источника в триаде основных инстинктов: половой + пищевой + инстинкт самосохранения. Но: имея организменные корни, эти три порока лишены душевной почвы и отсутствуют как таковые там, где двум первым из них исправно противостоит добродетель меры в сочетании с высокой моралью, а третьему — добродетель мужества, работающая как блокиратор страхов, а также как стимулятор вообще силы воли как силы духа, делая моральную личность твердой во всех добродетелях, в том числе что касается соблюдения базовых заповедей меры, гласящих: знай меру и ничего лишнего.

XXIX. В разумном и духовно-нравственном устройстве души заложено все необходимое и достаточное для того, чтобы волящее «я» души могло осуществлять морально-волевой контроль за инстинктивной мотивацией воли без сбоев и заморочек, возникающих со страху и от плотских соблазнов, искушений и страстей. Добродетель меры и добродетель мужества упомянуты выше как хорошо заметные элементы в системе моральной регуляции инстинктивной мотивации воли. Укажем заодно на идентичную роль, выполняемую чувством собственного достоинства, которое в сочетании с понятием чести является сознанием чести, не позволяющим человеку чести иметь низменную самомотивацию и придавать голосу плоти значения больше, чем слышится здравомыслию в рамках необходимого и достаточного.

XXX. Вопрос: как вы думаете, разумна ли и естественна ли религиозная аскетическая практика смирения плоти, издревле процветающая под эгидой всех великих религий? Правильный ответ: совершенно разумна и естественна в принципе. А почему,

собственно? Да просто-напросто потому, что человеческий организм со всей его инстинктивной и какой угодно программщиной соотносится со своим разумным и свободным обладателем (человеком) по типу того, как с тем же самым разумным и свободным субъектом (человеком) соотносится компьтеризированная машина, управляемая вручную или в полуавтоматическом режиме. Взяв в соображение это принципиальное соотношение, предустановленное в вашем разумном и свободном естестве, сообразите, что происходит с вашей свободой, а заодно и с вашей способностью к мышлению (разумом), когда вы теряете волевой контроль над отданной вам в управление запрограммированной машиной, причем так, что уже не вы управляете машиной, а наоборот, машина управляет вами и программирует вашу волю, не суть, нравится вам это или нет, в удовольствие вам это или в тягость, суть в том, что вы попали в машинное рабство и несвободны даже в мыслях, если мыслите под диктовку машины. А потому (резюме по пункту XXX): смирять плоть вполне естественно и разумно для человека, как минимум, в той легко угадываемой здравомыслием мере, какая достаточна для того, чтобы, как пристало благовоспитанному человеку, не манкировать ни элементарными нормами социальной морали, ни ***абсолютными сентенциями***, которые знает каждый как чистые смыслы, доводимые до сознания каждого голосом совести (против голоса плоти, в частности), и которые каждый может воспринимать по-своему и формулировать словами по-разному, например, так: монахом можешь ты не быть, но плоть держать в узде обязан. Это, ни много ни мало, дело чести, ибо:

XXXI. Человеческое достоинство, составляемое главным образом (а по сути, исключительно) добродетелями и сознаваемое моральной личностью как честь (см. *теорему чести*, №36), отделено от всего плотского моральным барьером в сознании как высокое (возвышенное) от низкого (низменного) по моральной мерке достоинства, то есть: высокое — это то, что составляет духовно-нравственное достоинство человека, соответствует оному и делает честь человеку, а низкое — это то, что не составляет человеческого достоинства, не соответствует оному и не делает чести человеку, а сюда относится, кроме человеческих пороков и грехов, все плотское в человеческом существе, включая все инстинкты, все влечения, все отправления организма, кои сами по себе лишены морального смысла как нечто морально-нейтральное и не могут делать честь человеку (в отличие от добродетелей, имеющих морально-положительный смысл), равно как не может ничто плотское само по себе и наносить урон чести (в отличие от пороков и грехов, имеющих морально-отрицательный смысл), но: все плотское в человеческом существе — низменно относительно возвышенного как то, что просто-напросто ниже человеческого достоинства и потому не должно (в отличие от возвышенного) брать власть над человеком и главенствовать в мотивации воли, то есть: обладатель человеческого достоинства, разума и свободной воли, называющий себя местоимением «я» и именем человека, долженствует держать в морально-волевой узде и благоразумно умерять силой воли плотские желания, дабы не уронить свое человеческое достоинство ниже, чем простительно, поддавшись плотским искушениям больше, чем позволительно. Такова вкратце логика, по какой смирение плоти есть дело чести для каждого человека, а не только для святых, и благоразумно регулируется добродетелью меры по базовым заповедям меры, гласящим: знай меру и ничего лишнего. Святым ты можешь и не быть, но меру знать во всем обязан (абсолютная сентенция).

XXXII. Определение абсолютной сентенции:

Абсолютная сентенция – это нравоучительная истина, доводимая до сознания человека голосом совести и умопостигаемая человеком, во-первых, как чистый смысл, лишенный словесной формы, а во-вторых, как формулируемая и передаваемая словами истина при логических операциях с ней, проделываемых мыслящим «я».

Продолжение следует